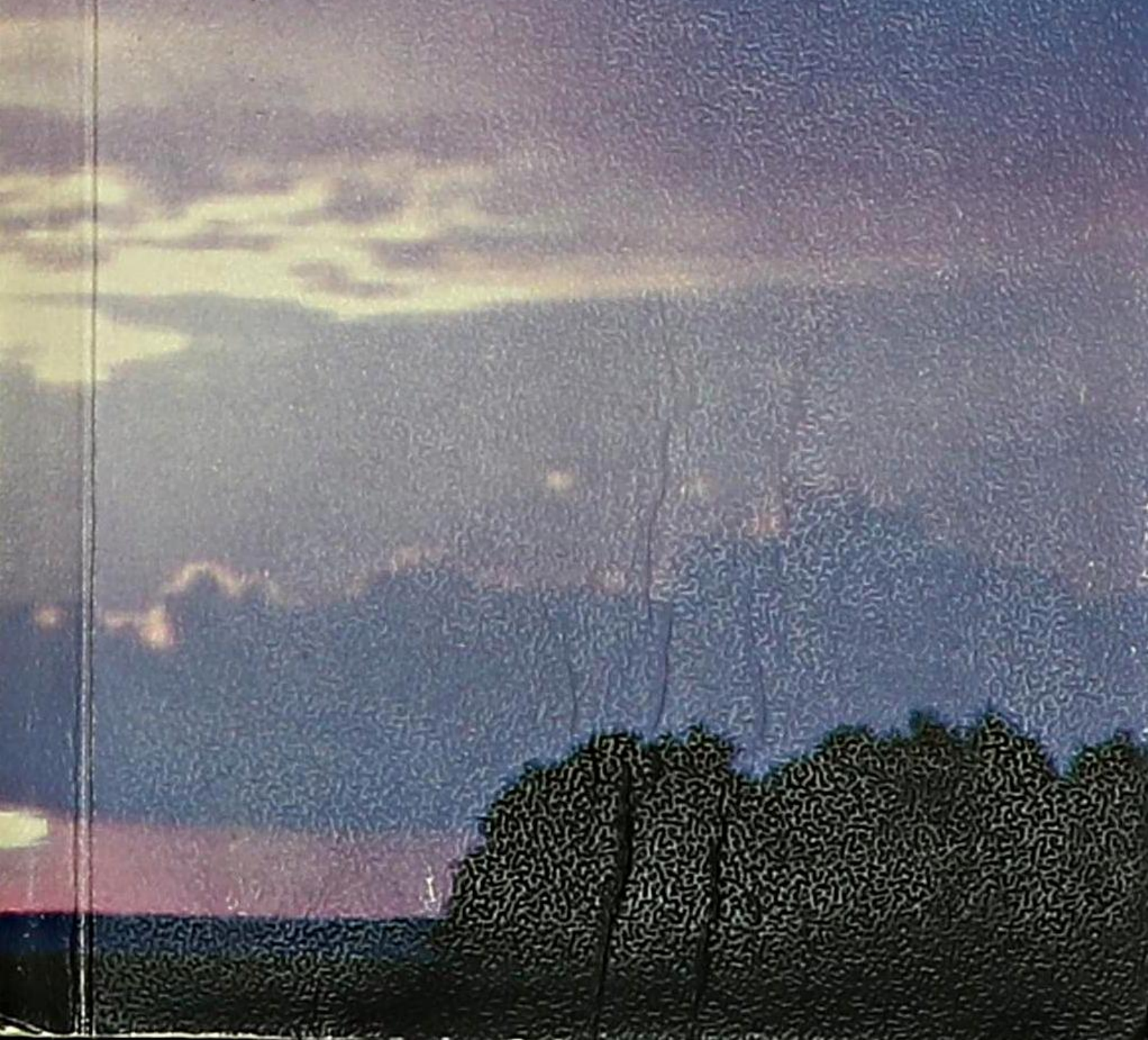

8470
A26 K

Ольга Дружкова

Неповторимое

12 РК

Э. К.

Ольга Дружкова

8416
ДТГ К

Неповторимое

185542Ц

185542-2

Каргаполье, 2006

185-2

Жизнь - по Ольге Дружковой

По выражению самой Ольги Алексеевны - она не поэт. Не претендуя на истину в последней инстанции, возьму на себя ответственность - доказать обратное...

Не скрою, читая ее иногда весьма неровные вирши, неоднократно испытывал желание остановиться. Но - что-то цепляло, притормаживало... Приятно и неожиданно «насторожило» такое выражение:

*Я хочу свои стихи читать
И простоволосой, и босой.*

И подумалось: а ведь действительно же - лишь максимальная открытость, понятность и приближенность чувств-обращений в стихотворной форме к земным радостям и огорчениям, к земле-матушке, житейским невздам встретят наибольший душевный отклик у читателя!

Этой простоты в стихах Ольги Дружковой предостаточно, бывает, что и «через край перехлестывает». Но не от нее ли и истекает истинное искусство,

глубочайшее восприятие действительности, видение в обыкновенном - необыкновенного?

*Мне б стоять в лесу березкой белою,
К полю наклоняться ковылем,
Не стыдясь ничуть за то, что делаю,
Поражаясь тем, что мы - живем!*

Наряду с другими темами, в творчестве Ольги Алексеевны весьма четко просматривается военная тематика стихов: Великая Отечественная, война в Афганистане, события в Чечне. Почему? Да потому, что именно подобного рода испытания касаются большинства народа, наносят наиболее глубоко проникающие душевные раны не только воинам, но их родным и близким. И только женщина своим чувствительным сердцем способна написать, что «из-под бинтов пулевое ранение смотрит глазами солдата». Многие из нас познали физическую боль и, наверняка, поддержат автора: в пик ее мысли направлены именно в болевую точку, мы как будто «смотрим» из раны. А стихотворное выражение, что «русский солдат - исторический

4

Неповторимое

стрелочник» - бьет по нервам с точностью до, думаю, неосознанного, но литературно точного «миллиметра». Ольга - болеющий за судьбу Отечества человек. «Я от земли пришла, я - от сохи», - выливается в отрицание несправедливости, психологическое сопротивление разрушению вековых устоев российского народа, разорению родного края:

*Исчезают деревни с исконными лицами,
Умирают среди пашен, лесов и холмов,
И цепляют за сердце пустыми глазницами
Нами брошенных отчих, родимых домов.*

По стихам Ольги Алексеевны чувствуется, что жизнь ее не была праздной прогулкой. Всего хватало: и разочарований, и потерь, как и у каждого живущего на земле:

*Тебя я встретила с другой,
Опять осталась крайняя:
Однажды поздней весной
Случилась осень ранняя.*

Или:

*Почему одним - дорога в розах,
А другим - одни шипы от роз?*

5

Неповторимое

Но - приходит весна, оживает природа, возрождается надежда, а потому у Ольги Дружковой появляются такие строчки:

- Ты видел, веточки в снегу.
- Я мелочиться не могу.
А что?
- Всех снег заморозил.
Так ты не видел?
Ты - не жил.

Тот дар, который так неожиданно проявился у Ольги Алексеевны в зрелом возрасте, это - как знак, ниспосланный свыше, что испытания жизнью завершаются и пора их перелить в стихотворную форму, коль того сердце просит.

Забудем, на время, о погрешностях ее стихосложения, это дело индивидуальное и легко поправимое... А сделаем вполне логичный и сам собой напрашивающийся вывод: перед нами не хитро-рифмосплетения, не навеянные книгами сны и не витание в облаках, а настоящие стихи, родившиеся от нежного и ласкового мироощущения с бесконечной убежденностью в красоте окружающего мира.

Ведь стихи, как дети, какими «вырастешь» - такими и жить будут. И пусть Олины вирши не очень близки к совершенству в утвержденной классиками форме - им жить и будить дремлющие чувства читателя.

Добрый путь Вашему сборнику, Ольга Алексеевна! Верьте в себя!

Владимир Филимонов

Дорогие мои женщины!

Этот сборник - вам и для вас. Почему? Потому, что ваши, порой - диковинные рассказы, легли в основу многих моих стихов. Моя судьба настолько переплелась с вашими судьбами, что все беды и радости стали общими.

Если меня спросят – счастлива ли я – отвечу: «Да!». И все-таки есть небольшая горчинка в том, что за плечами не один десяток лет. Оглядываясь назад, отмечаю, что не удалось сделать многое из задуманного. Горько и от того, что в России не все благополучно. Сначала я так и хотела назвать сборник «Горечь счастья». Но все же потом передумала и назвала его «Неповторимое». Ведь согласитесь: то, что было в нашей жизни, вряд ли уже повторится...

Несколько слов о себе. Родилась я 5 марта 1948 года в Башкирии. За восемь лет обучения из-за частых переездов родителей «привыкала» к семи школам. И запомнилось: во всех учебных заведениях

были прекрасные библиотеки, которые манили меня к себе жаждой знакомства. Потому я много читала, стремясь к знаниям, как уставший путник к воде и отдыху. Закончила Златоустовское педучилище. Работала в школах Юрюзани и Уфы. Сменила профессию, став дефектоскопистом газонефтепроводов. Красноярский край, Тюменская, Пермская, Курганская области... Где только не проложены трассы для транспортировки газа и нефти, на которых я вела контроль качества. А когда вышла на пенсию, поселилась в Кособродске.

Стихи пишу недавно. Как-то так само собой получилось, что однажды мысли вдруг вылились в стихотворную форму. А теперь я и остановиться не могу. Выпустила свой первый сборничек «В добрый путь», печаталась в газетах «Труд», «Курган и курганцы», в литературно-художественном альманахе «Тобол» зауральского издательства «Парус-М», в коллективных сборниках курганского клуба «Поэтическая горница»

и Каргапольского литературного объединения «Светлые поляны».

И вот я отважилась на издание еще одного сборника. В него вошли новые стихи, а также некоторые произведения из первого сборника. Он бы никогда не увидел свет, если бы не бескорыстная помощь Киреева Владимира, Князева Сергея, кособродских частных предпринимателей: Срыбных Сергея, Вавилова Михаила, Евсеева Бориса, Гиляровского Владимира, Подгорбунского Михаила, Москаленко Геннадия, Черепанова Григория, племянника Зарипова Евгения. Особая благодарность — Кевлеву Геннадию.

Читайте, критикуйте, одобряйте, не соглашайтесь...

Ольга Дружкова

* * *

Я не знаю, как о том сказать,
Но по интуиции одной —
Я хочу свои стихи читать
И простоволосой, и босой.
Мне б стоять в лесу березкой белою,
К полю наклоняться ковылем,
Не стыдясь ничуть за то, что делаю,
Восхищаясь тем, что мы — живем!
Быть от сердца к сердцу связью зримою,
Чтоб глазами — как окно в окно,
Чтобы знали вы меня по имени...
Разве мне такое не дано?
Кто я, кто? Да просто деревенщина.
Для чего писать я начала?
Ну, живи я, как простая женщина —
То свое бы сердце сберегла.
Мне и до сих пор признаться горестно,
Боже, что мне в руки Ты вложил?
И писать сначала было боязно,
И молчать не оставалось сил.
Нет уж молодого исступления,
Нет и опасенья — ошибусь...
Но когда пишу стихотворение —
Я до той поры себя боюсь.

Вокзалы памяти моей...

12

Неповторимое

* * *

*Вьюга понемногу затихает,
Снегу на ступеньки намело.
Обо мне никто не вспоминает -
Я нырну под памяти крыло.*

*Тишина котенком спрыгнет с печи,
Сумерки прикроют мне глаза...
Отомкнет тогда дежурный вечер
Памяти вместительный вокзал.*

*Пусть ненастоящая дорога,
Пусть условны эти поезда...
С севера, и юга, и с востока
Устремится прошлое сюда.*

*Как услышу я гудок тоскливый,
Выйду на пути одна встречать,
Не гадая – на какой счастливый
Литерные будут прибывать.*

*Все в пыли от временного плена,
Из тоннелей, из ущелий гор
Вырвутся из забвения и тлена,
Вкопанными встанут у платформ.*

Неповторимое

13

*Старый-старый паровоз с дымами,
Сердце механическое бьется,
Этот поезд с моей милой мамой
Много раз ко мне еще вернется.*

*На сегодня – хватит.
Всех отправлю,
Впрыгну в тамбур, двери замурую,
Проводничку Олю спать заставлю,
И до самой остановки полной
За нее, сердешную, дежурю.*

Слава тебе, Боже, что я помню...

В пути

*Пусть жизнь не разлеталась на куски,
Но тормозами тоже не визжала.
Я знала столько боли и тоски...
Я столько раз к вокзалам подъезжала...*

*Ночь. Снова поезд замедляет ход.
По полкам спящих будит проводница.
У нижних пассажиров – глупый рот,
У верхних – озабоченные лица.*

*Как айсберг, наплывет вокзала зданье,
Очнется жизнь, с минутку поснует,
Но ни-че-го не скажет мне названье,
И сквозь меня толпой пройдет народ.*

*Вот почему мне плакать так охота
Над тем, что раньше было невдомек.
Спокойно катит жизнь в туман болота,
Но «SOS» сигналит красный огонек.*

Раскаяние

С мамой очень яблони любили,
Краше нету дерева в цвету.
«Девочка моя, когда умру,
Посади мне «дичку» на могиле.

Чтоб ее морозы не сгубили,
Чтоб не соблазняла детвору,
Чтоб меня будила поутру,
Чтобы птицы пели, гнезда вили...»

Может, это просто сердца лень –
Только не исполнила наказа.
И встречает там теперь сирень.

Встретив, незаметно так для глаза,
Кистью о надгробие три раза
Стукнет...

И бежит упреха тень.

На Уфимке

Милый, помнишь на реке
Островки зеленые,
А на нашем островке
Мы с тобой влюбленные.

Вот разматывает звук
По реке моторка,
Диалогу наших рук
Длиться долго-долго.

Побежали по реке
Белые барашки.
Я – в ромашковом венке,
И у ног ромашки.

Ты кувшинку погубил,
Вода слезою капала,
Я любила, ты любил,
А река нас сватала.

185542Ц

Танго

Прости за то, что с нами не случилось,
За все, что мы друг другу не добавили.
И что в груди однажды распустилась
Большая роза скорби и печали.

Я вспоминаю чувства молодые,
Слова, произнесенные тобою.
Смотрю назад – как юноши седые,
Года толпятся за моей спиной.

Ведь были же мы счастливы когда-то,
Глаза твои я вспоминаю, руки...
Прости меня, но я ли виновата,
Что к горлу подступил комок разлуки?

Как разошлись? Не помню уж причины.
Мою любовь стряхнул себе под ноги.
Скорей всего, ты, как и все мужчины,
Любил лишь приключенья и дороги.

Глаза

Что чудо маленькое рядом –
Ты мне глазами рассказал,
И в этом вальсе наших взглядов
Кружил, казалось, целый зал.

И взгляды были, как стекло,
С высот прозрачных - с пьедестала,
Всем окружающим назло
Глазами я тебя искала.

Как сто дорог - глаза любимые,
Как сто тревог - глаза любимые,
Такой уют, - глаза любимые,
И дом, где ждут - глаза любимые!

Тени

*Светлый месяц, чудный танец,
Кружевные пляшут тени.
Как сейчас мне не хватает
Наших рук переплетений.*

*Как сейчас мне не хватает
Наших прежних отношений...
О былом напоминая,
Колдовские пляшут тени.*

** * **

*Малышка с котиком играет
Так грациозно и легко,
И нежность с пальчиков стекает
На шерстку гладкую его.*

Встреча с женщиной

*Поединок с Богом долго длился,
Все, что можно было, Он забрал:
Умер сын и муж, и внук укрылся
Грузом деревянных одеял...*

*Но она не ныла, не стонала,
И на слезы жалости моей
Тихо и незряче прошептала:
«Понимаешь, целый год смертей...»*

*А вокруг шумели электрички.
Смерть и Жизнь ходили по пятам.
Жизнь и Смерть – что порох возле
спички,
Смерть и Жизнь – всегда непополам.*

*Захотелось мне спросить у Бога,
Может, этим разозлив до гроз:
«Почему одним - дорога в розах.*

Детство

*Ждет детство меня у плетня...
С утра – и айда со двора,
Соседских детей воркотня,
И Маня, по дяде, сестра.*

*Бывало, в крапиве ожжешь,
О камни ли ноги поранишь,
К бабуле за лаской идешь,
Идешь – во все горло горланишь.*

*А бабушка скажет, любя,
В подол мои сопли сморкая:
«Господь! Где носило тебя?
И что ж ты за пройда такая!»*

*Я в детстве душой до сих пор,
Оно по ночам часто снится.
Опять бы на дедушкин двор
Под вечер пешком воротиться.*

* * *

*Ну, вот и все... И лодку оттолкнула,
Ее течение быстро понесло.
Но бедная привязанность споткнулась
О брошенное, мокрое весло.*

*И лодка закачалась, поплыла
Туда, где ветер, волны рыщут-свищут.
Да разве же я знать тогда могла,
Что от добра себе добра не ищут...*

Голуби

*В неюте серого асфальта
Голуби, танцуя, ворковали,
Люди сторонились виновато,
Люди все прекрасно понимали...*

*Падала печаль к ногам улыбкой.
Вальс самозабвенно продолжали
Голубь с хромоногой голубкой —
Жалости людской не принимали.*

Кто б ты ни был, что б не говорил,
Что б не представлял, порой, собою —
По простому принципу любви
Пожалей голубочку с культёю.

Сороковины

Когда холодком против сердца
Очертится жизненный круг —
Тогда никуда нам не деться
От лающей своры разлук.

Когда горизонты, сжимаясь,
Нависнут над Памятью, вот —
Тогда-то с клюкою, седая
К нам Мудрость однажды придет.

Придет, улыбнется и скажет:
«Зачем торопились вы жить?»
Наглядно докажет-покажет,
Что нечего было спешить.

Когда нас в купель погружали —
Тем что-то пытались сказать...
Мы целую вечность бежали.
А надо ли было бежать?

* * *

Над подушкой теплой подоконника
Тюля золотая кисея.
Листьев нет, а ягоды шиповника
Напоследок душу веселят.

Переключка петухов подомная,
Горьковатый запах избных труб...
Нега сладкая, до боли томная —
Божий дар из материнских рук.

Прошное за далью не останется,
А всю жизнь со мною наяву,
Может, оттого, что вспоминается —
До сих пор сама еще живу.

Под столом ножонки мирно свесились
Седоков некрашеной скамьи...
Вот и снова в мыслях
с вами встретились —
Маленькие братики мои.

Дочери

В окно неспешно сумерки вползли,
Ты головой легла мне на колени,
Перебираю волосы твои
И праздную святое единенье.

В прищуре засыпающего дня
Все на тебя глядела б и глядела.
Красивая, любимая моя,
Такой ли я судьбы тебе хотела?

А ты всегда открытою была
И годы молодые торопила,
Добро искала среди пошлости и зла,
В несчастьи свое счастье растворила.

Не знаю, как теперь нам разомкнуть
Кольцо обид, навязанных судьбою.
Мне захотелось впереди тебя шагнуть –
И хоть на шаг, но заслонить собою.

Я верю, милая, что все же к нам с тобой
Вернется снова счастье молодое,
И над твоей израненной душой
Заблещет снова солнце золотое.

По жизни - всего несколько шагов...

Сон

Так в народе примечали:
Печь приснится – жди печали.

На избушку-развалюшку
Три огромные печи!
Три надежды – три печали
Стерегли меня в ночи.

Как дитя, меня качали,
И не ели, и не спали,
Ни на шаг не отступали –
Три надежды, три печали.

То смотрели и молчали,
То, закрыв глаза, шептали,
Три надежды, три печали
За моей спиной стояли.

Желтыми березы стали,
На плечах повисли шали,
И всю жизнь со мной шагали
Три надежды, три печали.

Неверный

Татьяне К.

Я жду, когда все прояснится,
И, наконец-то, ты поймешь:
Жена – она не рукавица,
Ее за пояс не заткнешь.

Я чищу, глажу, провожаю,
Ведь снова праздничный приказ,
И на пороге каждый раз
Тебе я галстук поправляю.

Стопа не глаженных ночей
На безнадежность обреченных...
А ты опять в кругу друзей,
Среди красавиц-подчиненных.

Но в этой суете сует
Беда, как наждаком, коснется:
Была красавица – и нет..
Жена... Жена ведь остается.

Сердца не то переживут,
Жизнь – удивительная штука.
Тебя со мною вместе ждут
Любовь, Достоинство и Мука!

* * *

В горниле жизни дни оплавляла,
Сжигая душу, как мосты,
Над буквой «і» не точки ставила –
Клеймила жирные кресты.

Бежала вдаль, как оглашенная,
Стыда, раскаянья не знала,
В колодец чистых отношений я
Ну, только-только не плевала.

Сравнила все, что не равнялось,
От бед любовь не исцелила.
Ах, знать бы, сколько жить осталось,
Наверно, больше б жизнь ценила!

* * *

Коли душа не треснута,
Коли душа не сколота –
Ее считаю я, друзья,
Эквивалентом золота.

Моя душа

Суть свою, как ласточка, лепила
В неприступном месте над обрывом,
Но зато уж никакая сила
Не помеха взлетам дугокрылым.

Да, она, конечно, замирала,
И когда над пропастью парила –
Глубину падения познала
И восторг подъема оценила.

Крошечная, рядовая птица,
Ласточка отважная моя,
Многому пришлось тебе учиться,
Чтоб тянуть и вытянуть меня.

* * *

Хоть изначальная моя дорога
Была из путаниц и грез,
Но жизнь была простая - до восторга,
Обыкновенная – до слез.

* * *

Люблю, когда сквозь рамные кресты
На пол ложатся солнечные пятна,
Они прямоугодно и квадратно
Играют в кубатуре пустоты.

Боюсь, когда на улице кусты
Заглядывают внутрь безрезультатно —
Ушли и не придут уже обратно
Хозяева, и комнаты пусты.

Дома нас с первым криком принимают,
Они не равнодушны, черта с два!
В последний путь нас горько провожают,
Они — не скорлупа для естества.

Дома — они живые существа,
Все видят, помнят, понимают.

Нищенка

Как к богатой родне, к вам приду,
В дом, где яств всевозможных так много,
Не зовёте меня вы к столу —
Дайте хоть постоять у порога.

В нищем платье, с раненой душой.
Кто я есть — вы и знать не хотите,
Пересмешничая за спиной,
Мне, быть может, хлебца подадите.

Я возьму осторожно кусок,
Съем его в уголке отведенном,
И пока он от слез не просох —
Все мне кажется горько-соленным.

Что до ваших корыстных проблем —
Никакого не будет мне дела
Стала нищею я, а меж тем
Свою душу с кусочком не съела.

К землякам

Не сдавайтесь, только не сдавайтесь
Пусть хоть как нам будет туго-туго,
Плачьте, пойте, люди, улыбайтесь
И старайтесь понимать друг друга.

Милые, хорошие, родные,
Помните, ведь вы же россияне!
Пусть обходят вас невзгоды злые,
Пусть над вами солнышко сияет!

Посмотрите вдаль и оглянитесь,
Помолчите, может, что поймете,
От Любви и Веры причаститесь,
А не то друг друга перебьете.

* * *

Хоть кровь по жилам чуть течет -
Открою настежь двери,
Ведь ум надеждою живет,
И все же в чудо верит.
Уже рассветная роса
Холодная, как иней,
Но - оживают небеса,
И там густеют сини...

* * *

Очарованная жизнью
Свято, клято, деловито,
Я когда-нибудь осмыслю
Все, что было пережито.

Подсчитаю горе, радость
У последней у черты,
Перемерю силу, слабость -
Подведу итог судьбы.

Нет, еще не насмотрелась
На тебя, земля моя,
Ты прости меня за смелость,
С коей жадничаю я.

Мне бы зиму, мне бы лето,
Сердцу дорогих людей,
Много туч и много света,
Много-много ясных дней.

Кто пенять за жадность станет,
Я того могу отбрызнуть -
Своя ноша рук не тянет,
Мне бы только обхватить.

Посмотреть закат морозный,
Звездапады пережить,
В час печальный, скорбный, грозный
О судьбе не ворожить.

Очарованная жизнью,
Собираясь умереть,
И над пропастью зависнув –
Оглянусь я посмотреть!!!

Вечер

Моей избушки светел кров.
Дымок голубоватый тает,
А предзакатный луч таков,
Как будто что-то обещает.

И солнце, отходя ко сну,
Быть может, высветит дорогу.
Так значит – встречу я весну
И поживу еще немного.

Мне дружбы очень не хватает.
Хотя и знаю – нет возврата,
Но вновь заря устало шает
Мне теплою улыбкой брата.

Чувства выставляю на поверку.
До утра, до самых петухов
Приоткрою потайную дверку –
Наберу оттуда горсть стихов.

Вот оно, как светопреставленье:
Каждой моей клеточкой звеня,
Первое мое стихотворенье –
Это воскрешение меня.

Крови подымается давленье,
Дали открываются, маня,
Всякое мое стихотворенье –
Это продолжение меня.

Чувства выставляю на поверку,
Как по струнке, получился строй.
То, что в мир я приоткрыла дверку –
Даже и не верится самой.

Хорошо!

*Как хорошо внезапно умирать,
Не ждать в тоске минуты роковой,
За час и два о том еще не знать,
Любить и быть любимой семьей.*

*Как хорошо на взлете умирать,
Глазами утопая в небесах,
И за мгновенье землю увидеть
В запасных, белых, взлетных полосах.*

*Как хорошо свободной умереть,
Беспечно свои крылышки сложить.
Но лучше все же просто жить хотеть,
А еще лучше будет — жить да жить!*

*Бабушка моя -
Степанида Андреевна Смирнова*

Моей земле

Тебя, твой каждый лучик берегу,
Дразню гусей, дружу с коровами,
Живу судьбой, тобой дарованной,
Пока стою на этом берегу.

Я столько вынесла и многое смогу,
Хожу, тобою околдованой,
В березовом лесу, в сосновом ли,
Пшеничным полем или на лугу.

Люблю твоих туманов пологи,
Люблю и в лёгком мареве жары
Твой Божий день и ночи сполохи,
Твои премудрости, твои дары.
Твои прехитрости любой поры
Мне бесконечно теперь дороги.

* * *

Нет, я не поэт. Я вас очень прошу
Чудачество это, коль можно, простить.
Скажу, не прибавлю и не нагрешу –
Стихи помогают бороться и жить.

Письмо подруге Гале

Ты приезжай ко мне в начале декабря,
(Коль повезет – услышим песню снегурия).
Когда снежком слегка прикроет грязь,
Распишет иней всюду кружевную вязь.
Ты приезжай. Я буду ждать тебя.

Мне о твоём приезде ветры протрубят,
Мы здесь увидим чудо из чудес –
Я поведу тебя в наш заповедный лес.
И сосны будут лапами махать,
И сердце твое будет отдыхать,
Покой залечит раны пустоты.

Когда ты наглядимься на кусты.
Здесь отдохнем мы телом и душой,
Здесь ластится буря, как пес смеиной...

Ты приезжай скорее, поспеши –
Я сделаю припарки из тиши.
И заварю душистый, травный чай,
Поговорим, а утром невзначай
Пойдем с тобою в центр самой зимы...
И будут все проблемы решены.

Ну, приезжай. Я буду очень ждать.
Письмо кончато, и иду тебя встречать!

Я от земли пришла

*Живут еще на свете чудаки!
Вы сами не однажды их встречали –
С мечтой в глазах и ветром за плечами
Им приключения, что воздуха глотки.*

*Я от земли пришла, я – от сохи,
На мне не раз удачи отдыхали,
И, как о землю, ноги вытирали
Политики – крутые мужики.*

*В честь Мученицы – Ольгой нарекли,
Благословили посохом с сумою,
Чтобы дороги дальние влекли –
Так Зауралье открывалось мною...*

*Суровый край с нелегкою судьбою,
И кособродский клин родной земли.*

* * *

*Когда услышу запах тополей,
Такой знакомый, молодой и клейкий,
Я в Вознесенку – к родине моей –
Помчусь по памятной узкоколейке.*

*Другие люди там теперь живут,
Те ж похороны, но другие свадьбы...
Но так же все надеются и ждут
Три тополя на родовой усадьбе.*

*Там нет, должно быть, в речке и гольцов,
Как нет в морях больших кальмаров, раков.
Но там лежит отец Алексей Швецов,
Мне эту землю завещал Аксаков.*

*К тем тополям, как к дедовским ногам,
Усталым сердцем мне бы прислониться:
«Всю жизнь сюда я так спешила к вам,
Простите, если поезд припозднится.»*

*Люблю я очень запах тополей
Весной, иль после грозового ветра.
Я знаю – лучше Родины моей
Не будет, не было еще, и нету.*

Патетическое

*Не меркнут самоцветы в свете дня,
От правды не убавить, не прибавить,
Моя поэзия опять спасла меня,
И я ее отныне буду славить!*

*Она дала мне мощных два крыла,
Спасла меня от пошлости и лени,
И за собою в небо позвала,
Прикажет если – встану на колени.*

*Поэзия – здоровья эликсир!
Вы у меня ее не отберете,
В стихах я открываю целый мир,
И буду рада, если вы поймете!*

Благодарение

*Спасибо, день, за новые заботы,
За то, что я тебе еще нужна,
За вести, что долдонит мне желна,
За сойкин крик и ласточкины взлеты.*

*Спасибо за крутые повороты,
За непременно и сюрпризы сна,
За то, что не отменит смерть сама:
Встречать и провожать твои восходы.*

*Что я вольна и в выборе свободы,
Спасибо – за бездействие беды,
За то, что есть затраты и расходы,
Спасибо – за спокойствие воды.*

*Спасибо, что растишь в лесу грибы,
За щедрые дары родной природы.*

Запах Победы

Римме Малородовой

*Я прошлого не приукрашу,
Была малой я, чтоб страдать,
Но помню как в Победу нашу
Отца с войны встречала мать.*

*Как у порога только ахала
Под счастьем, снова обретенным,
Как сразу в домике запахло
Чужим мужским одеколоном.*

*Мои глаза слезами наполнились,
Все было, как в каком-то сне.
Но они сразу вдруг опомнились
И оба бросились ко мне.*

*А я стеснялась, что без платья,
И помню, как отец прижал,
Рука большая нежно гладила,
А голос рвался и дрожал.*

*Я тоже басом загудела,
Тогда мне шел шестой годок.
Как знамя – крошечное тело
Солдат поднял под потолок!*

*Но вот гостинцы дорогие
В сундук убрали со стола,
И я без мамочки впервые
За много лет одна спала.*

*Ведь мне на печке постелили,
Просили ночью не упасть,
И виновато говорили –
Пора одной, мол, дочка спать.*

*Я ковыряла пальцем коготь.
Стонал наш старенький диван...
Бесстыдный, жаркий мамин шепот
Ко мне на печку долетал.*

*Все утро так они смеялись,
Светились, будто два окна!
Но навсегда с тех пор осталась
Меж мной и папкою стена.*

*Я чуть тогда не заболела
От новых запахов чужих,
Зверьком испуганным смотрела
На них – счастливых, молодых.*

*Не знаю, может, по-иному
Победа пахнет для солдата...
Ремнями и одеколоном
Сегодня тянет, как когда-то...*

*Как много было нас, мальцов,
В войну отвыкших от отцов,
Нас на руках не нашивали,
С нас только спрашивали,
спрашивали.*

Я в 20 лет

*Кособродск,
улица Северная*

*Я живу в своей избушке
Рядом с лесом на опушке,
И все лето с ранних пор
Слышу дружный, птичий хор.*

*На полатях, на подушке
Счет веду «ку-ку» кукушки,
Ночью под окном моим
Дружно свищут соловьи.*

*Или вот, гляжу с порога -
Пробралась к дроздам сорока,
И, конечно, боже, там
Шум стоит и дикий гам.*

*Люди едут на природу
Ближе к птичьему народу,
Мне ж и ехать-то не надо:
Только вышел за ограду -
Слушай посвисты, рулады,
Трели, песни, серенады!*

*В Кособродск езжайте жить –
Птицы будут вас будить!
Дальше-больше – я влюбляюсь
И все время удивляюсь:
До чего ж они малы,
Птицы-пташечки мои!*

*Целый день со мной в беседе
Крошки – певчие соседи,
Все поют, поют без слов
И с заборов, и с кустов.*

*Нипочем им непогода,
Успевай, давай – спеши!
Ведь не просто время года –
Лето — состояние души!*

Военврач

Шведкину Ю.И.

*Снежные скулы безмолвия...
Это не луг и не поле:
Тупо склонилось у изголовья
Мертвенно-бледное горе.*

*Белые простыни, белые тени...
Словно зрачок автомата,
Из-под бинтов пулевое ранение
Смотрит глазами солдата.*

*Снега бинтами кровать припорошена,
Даже война здесь устала,
Недоумение болью непрошенной
Сердце солдатское сжало.*

*Русский солдат – исторический
стрелочник,*

*Вечно за все он в ответе!
Этому – скупо отмерили стрелочки
Пару часов, всего пару часов
Нового тысячелетья...*

Афганистан

Идем гуськом. А мне неловко,
Как будто кто за мной следит,
Наверно, смерть моя с винтовкой
За камнем где-то здесь лежит.

Взметнулось вверх куда-то поле,
Земли коснулась голова,
Какое, мама, все чужое,
Какая жесткая трава.

День расцветет и ночь завянет,
И снова солнышко взойдет,
Меня будить никто не станет,
Поцеловать не подойдет.

Ты будешь ждать – и не дождешься.
Надеясь, не понимать,
А сколько раз ты ошибешься,
Метнувшись двери открывать.

Но не найдешь в полете птичьим
Ни ночью, ни среди бела дня,
И, разве, кто-нибудь обличьем
Напомнит издали меня.

Мать

Безжизненное тельце
И синева у губ...
Но вот забилося сердце
От материнских рук.
А слезный голос тонок,
А шепот – крик любви:
«Дитёнок мой, дитёнок,
Живи, живи, живи!»
Болезни то и дело
Устали плоть терзать,
Горячее тело
К себе прижала мать:
«Как вырос мой ребенок! –
И жмет, и жмет к груди, –
Дитёнок мой, дитёнок,
На радость мне живи!»
Коль в камуфляжной форме
Смерть выйдет дань собрать,
То против этой бойни
Уже бессильна мать.
И груз, как из потемок,
Транзитом из Чечни.
«Не может быть, дитёнок...
Прости, меня, прости.»

Размышление о поэзии

Должна ль поэзия вооружаться?
Должна ль она вооружать?
Порою, легче поражать,
Чем нежно струн души касаться.

Должна ль стихией волноваться?
Должна! Иль не должна? Как знать?
Должна приказывать иль звать,
Иль на призывы отзываться?

Это ответственность большая:
Будить сознание людей,
Как на распятьи площадей -
До нитки душу раздевая!

Похолодание

В.Л.И.

Тебя я встретила с другой,
Опять осталась крайняя:
Однажды позднюю весной
Случилась осень ранняя.

Дожди холодные снуют
И тучи небушко утюжат,
Годами созданный уют
Видно, тебе уже не нужен.

Не обелил, не очернил,
Не оскорбил – и то спасибо.
Молчал, как будто не любил,
И я молчала, будто рыба.

Пропал черемуховый цвет
И яблони уж облетают,
В холодном воздухе нет-нет,
Да и снежинки пролетают.

Три грации-сосны стоят,
Я заблудилась между сосен...
Весна шагнула наугад –
И напрямик попала в осень.

Басня

Однажды в луже дождевой
Лягушка праздная лежала,
Сюда на легкий водопой
Попить корова забежала.

«Му, что, здесь теплая вода?», —
Она по-дружески спросила.
И эта фраза без труда
Лягушку мокрую взбесила:

«Ты что, уродина, мычишь,
С какой коровьей радости?
Неуж совсем не отличишь —
Я дама, а не градусник!»

Порой, задав простой вопрос,
Мы хамством получаем в нос.
Ах, сколько выиграл бы свет,
Когда б простым был и ответ.

К 50-летию

Краснооктябрьской библиотеки

Возьму я с полки книгу в руки
И будто растворюсь в тиши.
И если школа — храм науки,
Библиотека — храм души.

Уж 50! Это немало.
На нервы б все переложить,
Ты фанатично продолжала
Простым читателям служить.

И в дни застоя, перестройки,
Без выходных и без зарплат,
Распахивала книжность полки,
Сюда прийти был всякий рад.

Скажи, как выжить ты сумела
На протяженья трудных лет?
Нет выше, благородней дела —
Нести в народ познания свет.

* * *

Ты счастливая, Ольга! –
Так гадалка гадала.
Я под этот критерий
Свою жизнь подбивала.

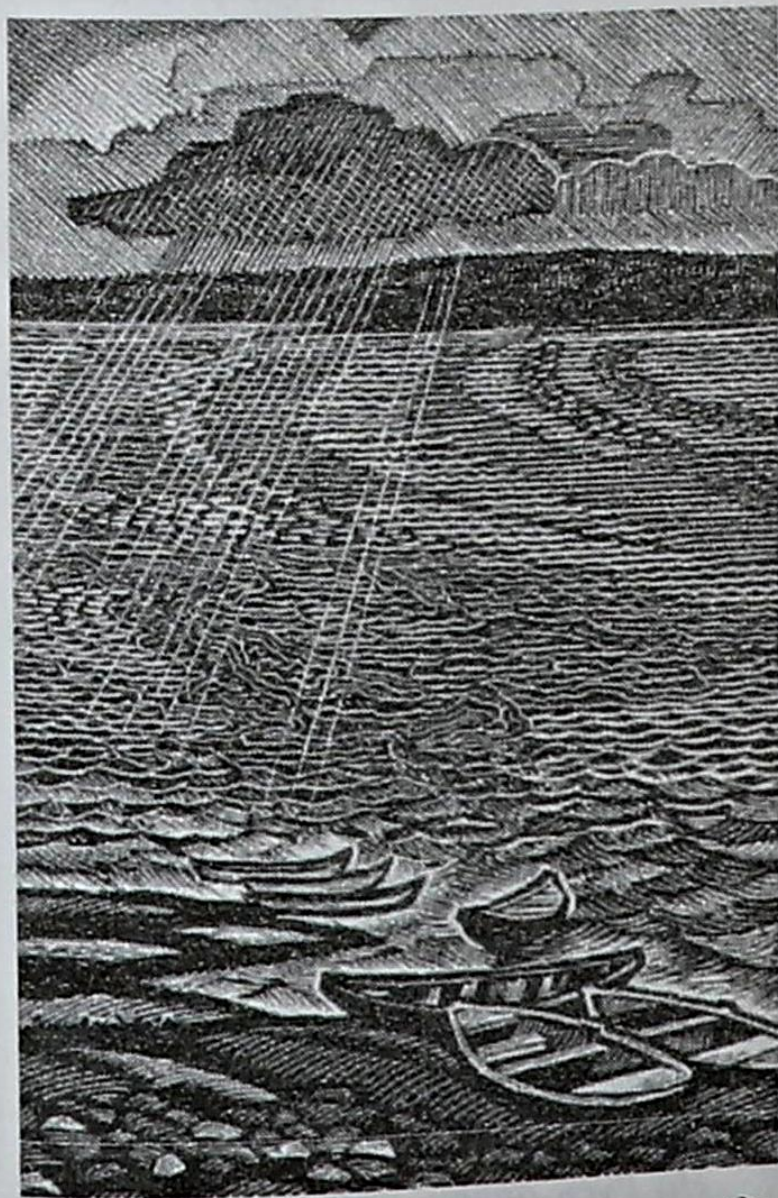
Я над малым дрожала,
За большим в гору шла,
Кто-то скажет: «Сразалась!»,
Я отвечу: «Жила...»

Я была в жизни речкой,
Ладно, пусть – ручейком,
Я за счастьем с уздечкой,
Как сквозь строй – босиком.

Я любила, родила,
Я давала, брала,
Свое сердце дарила,
Я жила, как могла.

Оборвется дорога
Возле края огня...
И поэтому строго
Не судите меня.

Музыка природы

Михайлов день

В Михайлов день - зима наполовину:
То изморозь, то иней до бровей.
Как в старину, кололи мы скотину,
Варили брагу, провожали сыновей.

Гнездо оставив, шли они на службу,
Служить Отчизне - в этом нет греха.
В Михайлов день у баб варились студни,
А гармонисты гробили меха.

Что б злые языки не говорили -
Наступят дни оттаявших сердец,
Хочу, чтоб на Руси не выводились
Хлеб, самогон и добрый холодец!

Февраль

Конь метельный вился, бился,
Отсекая снегом даль,
Не явился, а вломился
К нам заснеженный февраль!
Метель метет,
Поет пурга,
На Русь опять пришли снега.

Белый снег - нейтрально-цельный,
В чем, скажи, тут красота?
Вдруг пропустит зелень ельник,
Брызнет ягод краснота!
Метель метет,
Поет пурга,
Пускай волнуются снега.

Вьюги слезно причитали
В камышах прибрежных,
Слезы - следствие печали,
Но и признаки надежды.
Метель метет,
Поет пурга,
А слезы, слезы жгут снега.

Снегирь средь веток заалел
И стужу лютую обманывает,
На зимнем солнце разомлел,
Как на полке, слегка постанывает.

Метель метет,
Поет пурга,
Они не вечные - снега.

* * *

Снег кругом раскинулся вальяжно,
Не встревожит, не царапнет глаз,
Жалко мне топтать

крахмально-влажный

Только что постеленный палас.

А буран натягивает млечность,
Околоземную благодать,
Боже, дай природе нашей вечность,
Ну, а мне уж, сколько можешь дать.

Так-таки охота расстараться,
Виденное – сотни раз воспеть.
И кусты бегут, как папарацци,
Чтоб навек меня запечатлеть.

* * *

На снег ложится следа шов
Сквозь сухоту полыни,
На ткань ажурную кустов
Присел сторожкий иней.

* * *

А за окном – пушистый иней,
А за окном – глубокий снег,
А там, где я – там мох пружинит,
И по росе идет мой след.

Да и само окно затеял
Морозной льдинки легкий флер.
Я снова там, где стрелы сеял
Лучей осенних милый бор.

Пусть наяву такие сны
Так и останутся секретом,
Но снова в сумерках зимы
Я начинаю бредить летом.

* * *

Все окна инеем забрало,
Поклоны шаркала метель,
Гитара низко рокотала,
Как будто баловался шмель.

«Мохнатый шмель
на душистый хмель...»

А мне вдруг осени картины
Представились во всей красе,
О, как купались георгины
В холодной, утренней росе.

В наш хмель, казалось, налетели
Со всей округи воробьи,
А в георгинах цепенели
До счастья жадные шмели.

В твоих руках была гитара
И крепкий голос рвался ввысь,
И про себя я причитала:
«Продлись, мгновение, продлись!»

* * *

Какая ширь, какая гладь,
Вот это здорово!
Кругом такая благодать,
Иду не торопно.

Еще вокруг лежат снега,
Но вербной проседью
Весна кидает жемчуга
На ветки россыпью.

И пухом нежным у щеки
Время завербится.
В земные страшные грехи
Сейчас не верится.

Май и снег

О, обещания весны!
Где ваша ласка, ваша нега,
Коль ткань зеленую травы
Рассек холодный скальпель снега?

Река и ледоход

*Неспроста все это, неспроста,
Ничего так просто не бывает:
Речка ненавидит гнет моста,
Как повязку, с глаз его срывает.*

*Вот он – долгожданный ледоход!
Льда оскалив ножевые срезы,
Выдвигая гвардией вперед,
Марш-броском ведет на волнорезы.*

*Пусть встречает мост его в штыки,
Речка своенравными боками
Бьется об огромные «быки»,
Кое-где выходит берегами.*

*Часто в детстве наблюдались нами
Бунт и ярость Юрюзань-реки.*

Весна

*А небо пенило белки,
На взгорке парились дома,
Цвела речная урёма
Чащей черемух и ольхи.*

*Берез небрежные кивки,
Их строй – торжественность сама,
И птичий гвалт сводил с ума
Хорами, делая венки.*

Август

*Хочу, чтоб мой закат
На август походил:
И летний колос сжат,
И пыль слетает с крыл.
Подуй, покой, подуй
На боль моих полей
И дождик-обалдуй,
И ветер-дуралей.
На крыше тень скворца,
Стынь-изумруд и грязь,
Начало и конца
Логическая связь.*

* * *

А лето идет, боже мой,
Шагает с роскошной небрежностью,
Пахнуло пожухлой листвой –
Что стало с моей безмятежностью...

Еще бесновата листва,
И нам все никак не расстаться,
Но с губ, как с карнизов, слова
Касатками стали срываться.

А там уж рукою подать
До снежного оцепененья,
И снова надеяться, ждать
Весны и любви пробужденья.

Все это еще впереди...
Но видно приметы разлуки:
Трагично в косые дожди
Березы заломлены руки.

* Касатка - ласточка

Один день в августе

День августовский поражает
Своей отточенностью чувств,
Но ускользает, уползает,
Бывает призрачен и пуст.

Кружится, шелестя, кассета,
Развязка, видимо, близка,
Пахнуло холодком кастета
У враз набухшего виска.

А неба синь остра, как бритва,
Так полоснёт она глаза,
А посланная вверх молитва
Чиста, как детская слеза.

День августовский вдруг возьмет -
Таким прозрением одарит,
И от того, что меня ждет,
Заплачет сердце, заболит...

Боровики

Шляпками натужно багровея,
Звали за собой в соседний бор,
Я входила в лес, благоговей,
Как входила б в праздничный собор.
Ох, эти осенние страданья
И поклоны частые в глуши.
Нет!
Грибы мне не продукт питания –
Это пилотаж моей души!
Высший пилотаж моей души.

* * *

Наш лес весь октябрь наряжался,
И было его не узнать,
Он, вроде, на бал собирался
Свою королеву встречать.
За день в пух и прах проигрался!
На этом закончить бы сказ.
Да ветер-обдѣра смеялся,
Аж сыпались листья из глаз.
Что лес? Успокоился, вроде,
Хозяйкой пришла тишина.
А королева? Да ходит в народе,
Что так и осталась одна...

Птицы улетают

В первой пробной метели
растревоженной птицы
Караваны летели,
табуны, вереницы.

Эх, сорваться бы с вами –
улетела бы тоже,
Птицы, милые птицы,
я вас взглядом ловлю,
Не встречала вас раньше,
вряд ли встретимся позже,
Сожалею, и все же
я вас очень люблю.

Покидая страну
поднебесного цвета,
Птицы, милые птицы,
вы запомнить должны
Властный, ласковый май,
ненаглядное лето...
Возвращайтесь домой
с наступленьем весны!

В мимолетности встречи,
на трамплине прощанья
Птицы, милые птицы,
что в дорогу вам дать?
Не машу вам рукою,
а шепчу заклинанье:
«Возвращайтесь, родные!
Буду очень вас ждать!»

Осень

Осень, поздняя осень...
Птиц простыла дорога,
И серебряным лосем
Протрубилась тревога.

Станет осень кар-кар-кать,
Откричав: «Тега-тега!».
Очень хочется плакать
В день пришествия снега.

Плакать? Именно – плакать!
Но, отнюдь, не рыдать,
Если слезы не в тягость –
Так душе благодать!

Диалог

- Ты видел небо над собой?
- Нет, дел по горло,
Жизнь, как бой.
А что?

- Сегодня пеленой оно
За горизонт сползло.
Не видел?
Да, не повезло.

- Ты видел землю под ногами?
- Нет, куча дел,
Они, как камень.
А что?

- Сегодня здесь буран гостил.
Не видел?
Чудо пропустил.

- Ты видел, веточки в снегу?
- Я мелочиться не могу.
А что?
- Всех снег заморозил.
Так ты не видел?
Ты – не жил.

Уважаемые читатели!

Есть у меня несколько рассказов, вполне достаточно на небольшую книжицу. Да вот, не знаю – понравятся ли. Поэтому, предлагаю вам прочитать всего один. Для меня очень важна ваша оценка.

Рассказ о бабушке Зинаиде

Она почему-то заправляла кровать в это утро с каким-то особым старанием. Разгладила простынь, выровняла по струнке подзорник, пирамидкой возвысила подушки, набросила на них узорную накидку и широким жестом, как бы перекрестив, погладила покрывало. И в этот миг как будто мягкая лапка с острыми коготками на долю секунды царапнула сердце. Зинаида замерла. Прислушалась. Разогнулась – но холодок остался.

А когда она уже пила чай, боль снова постучалась в ее изношенное жизнью сердце. Бабушка засмотрелась внутрь себя и стала думать: с чего бы это. Вскоре пришла к выводу: вроде бы особых

оснований для волнений не было. Так, по мелочам. Пенсию немного задерживают. Федька, вечно пьяный сосед, в гости зачастил, денег займы просит. Сын Васятка в соседнем селе живет, машину имея, в гости реденько – да заглядывает. Нет, печалиться не о чем. Вот разве вспомнилось вчера...

Как-то, раненько отправив коровушку в стадо, она остановилась у выгона. Народ деревенский, безалаберный, в стороне от него свалку устроил. И в куче мусора увидела Зинаида рамку портретную, а в ней – фотографию женскую. О том, что она женская, догадалась бабушка по красивым, кудрявым волосам, лица видно не было, смазало его недавним дождем, не узнать. Кто же эта такая? Подошли еще несколько баб, поохали, вспоминали, вспоминали, вроде, что-то знакомое, но не вспомнили. Тут же, среди мятых картонных коробок из местного магазина, пластмассовых стаканчиков и гнилостного запаха запустения валялись обрывки писем, порванные тетради и еще что-то, потерявшее и форму, и цвет.

И так Зинаиде обидно стало за чужое зло, ведь чьей-то домашней летописи частичка. А теперь на помойке, почитай, валяется...

Пришла она тогда душой больная. Достав из-под кровати большой фибровый чемодан, в котором семейный архив хранился, долго перебирала письма с фронта от Ивана-мужа, грамоты колхозные за ударный труд, открытки поздравительные разных лет, квитанции, извещения, фотографии с крестин и похорон, свидетельства и прочие бумажки, которых накопились за былые годы. Рука и взгляд, порой, задерживались на какой-то. Вот она, муж, сыновья Коля с Васей. Вспомнился и день, когда сфоткались. Тогда Васятку в школу готовили, поехали в город за немудреными покупками, да и зашли к фотографу. А теперь что, все это на свалку кто-то выбросит? Ну, нет! Не бывать этому!

И стала Зинаида заталкивать в печь свое прошлое, разрывая его на кусочки... А когда опустел чемодан – громко, с подвыванием, как по покойнику, зарыдала в голос. Потом

успокоилась. А потом и спать легла. Всю ночь ей снились отрывочные сны: она, молодая, молочный сынок грудь кусает, почтальонша к калитке с похоронкой подходит, известие о смерти брата – все спуталось...

Утром сердце и кольнуло. Заварила пустырника, попила. Но боль не проходила. Она разрасталась, заполняя грудь. Выпила корвалолу, положила под язык валидол. Только легла, пришла соседка Клава, позвала в баню. «Сегодня ж воскресенье, – отметила про себя Зинаида. – нет, не пойду, болею», – ответствовала, и отказалась. Соседка ушла.

Зинаида смежила веки. Картины прошлого опять замелькали перед глазами. Вот она видит, как Иван несет охапку вторую березовых дров – баню топить. Ребятишки баньку любили, парились долго, со вкусом. Вот она наблюдает за семейством из окна, на рыбалку собираются. А она суетится, еду пакует. Тогда привезли отец с сыновьями карасей прорву, целую детскую ванночку наполнили. Хозяин сам чистил, сам жарил,

любил, чтоб золотистого цвета были. Вспомнилась кладовка, зимой пельменями забитая. А как же, тогда полуторницу телочку забили, да поросеночка к ней приурочили. Вот в сенях бутылки водочные боками стучаются, все родственники собрались, бабе Зине 60 справлять. А перед торжеством в баню все сходили. Сначала - мужики на полке хлестались, домой пришли с ангельскими лицами. Потом сноха меньшая, бойкая, старшая – не парилась, окунулась только, на сносях была, а за ней уж внучата по ранжиру. За столом было весело, все сыты, одеты. Чего еще надобно?

«А где ж моя рюмочка заветная с золотым ободком?», - подумалось Зинаиде. И только приподнялась, как ноги заглодели. «Что это со мной?», - содрогнулась. Еле-еле поднялась, нашла рюмочку, подле себя на стул поставила. «Вьюшку, вьюшку бы закрыть, не забыть!» Легла. И сразу подошли к ней тени родных, матушки да тятеньки, сестры старшей, угоревшей, и младшенькой, потонувшей.

А за ними еще кто-то толпился, чужая – свои, кто – разглядеть не успела. Хлынул на нее с потолка звездный дождь...

А ночью пошел первый снег, засыпал ее следы в саду, огороде, во дворе, на крыльце, словно стремясь скрыть от людей что-то важное. Для кого – важное? И что?

Село Локти

Исчезают деревни
с исконными лицами,
Умирают средь пашен,
лесов и холмов,
И цепляют за сердце
пустыми глазницами
Нами брошенных отчих,
родимых домов.

Старый тополь шагнул
далеко за околицу,
Распушил, разъярившись,
седую листву,
Как священник стоит там,
и просит, и молится
За свою одичавшую
в пьянстве паству.

Люди, люди!
Доколе метаться вы будете,
Проклиная судьбу
и застои, и прогресс,
Ну, когда, наконец,
вы сердца-то разбудите,
Неужель до сих пор в них
Христос не воскрес?

Страшно больно,
когда человек убирается,
Кончив Богом отпущенный
жизненный век.
Коль деревня в шесть улиц,
как сон, испаряется –
В том повинен лишь ты, человек.

Род Смирновых:

первый ряд - Василий Антонович, дедушка;
Степанида Андреевна, бабушка; тетя
Прасковья; зять Василий; двоюродная сестра
Лидочка; я;
верхний ряд - тети: Маша, Анисья, Настя;
Клавдия Васильевна, мама.

Моя молитва

*Пусть в жизни мало мне дано,
Подобно крошечной планете,
Господь, спасибо за одно -
Что я жила на белом свете.*

*Порой, не сладко было мне,
Порой, от горя я немела,
Спасибо, Господи,, вдвойне,
Что в этом мире песни пела.*

*Спасибо, Господи, ты дал
Настой заката, всплеск рассвета,
Родимый дом, печаль-вокзал -
Твои подарки тоже это.*

*Спасибо, Боже мой, за мать,
За наше кровное единство,
Что не измерить, не разнять,
Спасибо и за материнство!*

*Я верую в Тебя. Спаси
Детей. Всего дороже дети.
Прости нас, Господи, прости
За все грехи, что есть на свете.*

*Еще я, Господи, молю,
Чтоб в мире не было бы войн,
И чтобы всяк, кого люблю,
Твоей любви был удостоин.*

*Прошу, Господь, не осудить
Простую жизнь мою в полвека,
Осмелюсь, Господи, просить —
Признай во мне Ты человека.*

Я и моя дочка Леночка

Странный сон

Снится: снова стою за калиткою сада,
Собираюсь в далекий, военный круиз.
Я - в суровой шинели, что не для парада,
И ступени куда-то спускаются вниз.

Там, внизу, поезда и военные формы.
И стоит чемодан на ладони платформы.
Закипает слеза. К чемодану нагнулась.
Я сегодня жива. А тогда - не вернулась.

Снова сон: до утра давит горло петлицей,
Я, должно быть, была

на войне той сестрицей,
И стирая бинты, в полевом медсанбате,
Я, как память живая, о каждом солдате.

Я не знаю, зачем этот сон вновь вернулся,
Но я жизнь, если надо за это отдам,
Чтоб никто из потомков моих не очнулся
За калиткой, в шинели, а у ног чемодан.

* * *

Снова на сердце метка...
Эх, ты, жизнь - доля наша!
Ходит в черном соседка -
Пастухова Наташа.

Плач Наташи:

«Твои мягкие губы
Пахли медом и мятой.
Но ложился след грубый
По траве неизмятой.

На перроне вокзала
Мы венчались звездой,
И я к сердцу прижала
Нашу тайну с тобою.

Пусть весной мы прощались -
Синь небес холодела,
Я, когда мы расстались,
Черный шарфик надела.
Загадала: коль первой

*У нас дочка родится -
Назову ее Верой,
Чтоб тебе возвратиться.*

*Коль сыночек родится -
Назову его Сашей,
Чтобы вами гордиться
В жизни будущей нашей.*

*Мой единственный, нежный,
Где лежишь ты, с кем бился?
Как погибли надежды -
Ведь н-и-к-т-о не родился...»*

*...Над странюю моею
Правда встанет нескоро,
И жиреют-добрееют
Олигархи и воры.*

*Тучи стелются низко,
Пахнет гарью и... мятой.
И встают обелиски
На Руси необъятной...*

Содержание:

1. Жизнь - по Ольге Дружковой.....3
2. Дорогие мои женщины!.....8
3. Я не знаю, как о том сказать.....11
4. Вокзалы памяти моей.....12-26
5. По жизни - несколько шагов.....27-58
6. Музыка природы.....59-73
7. Рассказ.....74
8. Село Локти.....80
9. Моя молитва.....82
10. Странный сон.....84
11. Снова на сердце метка.....85

13p

Ольга Дружкова
Неповторимое
Стихи

Редактор: Геннадий Устюжанин
Компьютерный набор, обработка и верстка:
Владимир Филимонов
При изготовлении обложки использован снимок
Виктора Логиновского

Лицензия ЛР № 010124 от 23.12.96 г. Сдано в набор
4.09.2006г. Подписано в печать 6.11.2006г. Формат 60+84^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс, Ариал. Усл. печ. л. 2,5
Уч.-изд. л. 1,6. Заказ № 3723 Тираж 300

Издательство ПО "Исеть"
641870, г.Шадринск, ул. Спартака 6.

Отпечатано в Каргапольском филиале ОГУП
«Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам
массовой информации Администрации Курганской области,
641920, р.п. Каргаполье, ул. Калинина 39.

